

УДК 94"15(47.24)

DOI: 10.34680/978-5-89896-734-5/2020.NHB.17

Я. Н. Рабинович

ВОЕВОДА ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ ЛЕВАШОВ В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ (1614 год)

Аннотация. В статье рассматриваются неизвестные страницы истории Смутного времени, связанные с походом к Новгороду в 1614 г. русского войска князя Д. Т. Трубецкого. Активным участником этих событий был воевода Федор Васильевич Левашов, который сначала командовал отрядом служилых людей под Старой Руссой, а затем возглавлял оборону Новоселицкого острога возле Бронниц. После освобождения из шведского плена он еще долго служил на различных должностях, а его потомки достигли высоких чинов и званий в императорской России.

Ключевые слова: Рамышевский острог, Бронницы, Новоселицкое осадное сиденье, Смутное время, воевода, Карамзинский хронограф, Угрим Лупандин, Федор Левашов, князь Д. Т. Трубецкой.

Abstract. The article discusses unknown pages in the history of the Time of Troubles associated with the campaign to Novgorod in 1614 by the Russian army of Prince D. T. Trubetsky. An active participant in these events was the governor Fyodor Vasilyevich Levashov, who first commanded a detachment of service people near Staraya Russa, and then headed the defense of the Novoselitsky prison near Bronnitsy. After his release from Swedish captivity, he served for a long time in various positions, and his descendants reached high ranks and ranks in imperial Russia.

Keywords: Ramyshevsky prison, Bronnitsy, Novoselytsky siege seat, the Time of Troubles, voivode, Karamzin chronograph, Ugrim Lupandin, Fedor Levashov, Prince D. T. Trubetsky.

Федор Васильевич Левашов сыграл важную роль в событиях завершающего периода Смуты на Новгородчине, а именно – в период похода в 1614 г. войска князя Д. Т. Трубецкого. Этот служилый человек по отечеству начинал службу при царе Федоре Ивановиче в качестве козьмодемьянского жильца, затем стал арзамасским помещиком, а при Михаиле Романове вошел в состав Государева двора и стал дворянином московским. Биография его хорошо известна благодаря труду В. В. Руммеля (Руммель В. В., Голубцов В. В., 1886. Т. 1. С. 519, 523). Сведения о Ф. В. Левашове можно найти во многих справочных посо-

биях, энциклопедиях, монографиях (Платонов С. Ф., 1910. С. 388; Любомиров П. Г., 1939. С. 147–148, 284; Пчелов Е. В., 2000. С. 296–297). Хорошо известно участие Федора Левашова в освобождении Владимира от тушинцев, в боях под Москвой в составе ополчения Минина и Пожарского, а также его пребывание на воеводском посту в Царицыне уже после окончания Смутного времени (Пудалов Б. М., 2011. С. 67–68; Гераклитов А. А., 1913. С. 71).

Однако один из важных этапов биографии Ф. В. Левашова, связанный с Новгородом, до последнего времени остался неизвестным исследователям, как неизвестна фраза «Новоселицкое осадное сиденье». О боях под Бронницами в общих чертах все интересующиеся событиями Смуты еще могут что-то сказать благодаря сведениям Нового летописца, а местные жители даже покажут Бронницкий холм, где находился лагерь Трубецкого. К сожалению, жителям соседних Новоселиц, как и Великого Новгорода, а также многим историкам-профессионалам неизвестно, что именно здесь в июне – июле 1614 г. располагался второй укрепленный острог, оборону которого возглавлял Федор Левашов, а его помощником был Угрим Лупандин (но не наоборот!). Впервые об этом остроге пишет современный исследователь А. А. Селин, который обнаружил в РГАДА и опубликовал челобитную царю Михаилу новгородца Угрима Лупандина, соратника Ф. В. Левашова. В этой челобитной У. Лупандин подчеркивает свои заслуги, пишет, что именно его послал воевода Трубецкой *«за Мсту реку в деревню в Новоселицы, а в той деревне велели ставити острог. И я, государь, холоп твой, в той деревни острог поставил»* (Селин А. А., 2009. С. 150).

В Карамзинском хронографе приводятся сведения о событиях под Новгородом весной – летом 1614 г., причем важную роль в этих событиях сыграл Федор Левашов. Исследователи до настоящего времени еще недостаточно внимания уделяли этим событиям и информации, содержащейся в данном источнике, хотя с момента его публикации прошло уже 150 лет (Попов А., 1869. Карамзинский хронограф. С. 321–379). Следует уточнить, что отдельные выдержки из Карамзинского хронографа, опубликованные во многих изданиях, посвящены событиям более раннего периода Смуты, в частности, восстанию Болотникова и Тушинскому вору (Восстание Болотникова. С. 109–119; 356–362). В связи с многочисленными публикациями начальная часть Карамзинского хронографа хорошо известна исследователям, чего нельзя сказать о завершающей части этого источника. Поэтому стоит привести дословно сведения Карамзинского хронографа о событиях под Великим Новгородом весной – летом 1614 г.

Вначале приводится информация о сборе войска Трубецкого, начиная с осени 1613 г. Основная часть войска под командованием Трубецкого и Мезецкого, состоящая в основном из членов государева двора (*«стольников и стряпчих и дворян Московских и жилищов и дворян и детей боярских»*), собиралась в Торжке, *«а срок учинен ратным людем*

в Торжку собраться на Дмитриев день Селунскаго» (Попов А., 1869. С. 358).

В Ярославле собиралась вторая рать под командованием чашника В. И. Бутурлина, «а велено ему с заволскими со всеми города збиратся. А Володимерцом и Муромцом и Нижегородцом и Арзамасцом, Алушаном и гороховляном и Арзамаским князем и мурзам и служивым Татаром быть всем в Ярославль к Василию Ивановичю Бутурлину. А собрася Василью Ивановичю со всеми ратными людми идти в Торжок к боярину князю Дмитрею Тимофеевичу Трубецкому». Следовательно, прибытие служилых людей из Владимира, Мурома, Луха, Нижнего Новгорода и Арзамаса в Торжок произошло позже. Указана точная дата: «И Василий Бутурлин со всеми ратными людми пришел в Торжск перед Масленую неделю во вторник» (Попов А., 1869. С. 358).

Ровно через неделю объединенное войско двинулось из Торжка к Новгороду. Это произошло «на Масленой неделе во вторник». По видимому, чтобы не было местнических споров между окольным кн. Д. И. Мезецким и чашником В. И. Бутурлиным, во всех документах стали писать «боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой с товарищи» (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 107–108).

Скорее всего, Федор Левашов прибыл в Торжок, где формировалась армия Трубецкого, зимой 1614 г. из Ярославля вместе с воеводой Василием Ивановичем Бутурлиным. В. И. Бутурлин должен был собрать отставших служилых людей из отдаленных восточных районов страны (Арзамас, Муром, Гороховец и др.) и идти «в сход» из Ярославля в Торжок к боярину Трубецкому. Ф. В. Левашов, который ранее неоднократно командовал арзамасскими служилыми людьми, теперь также вместе с отрядом арзамасских помещиков был отправлен к Новгороду в составе основного войска кн. Д. Т. Трубецкого. Разрядная запись свидетельствует, что в этом войске был довольно значительный отряд арзамасцев. По наряду числилось «арзамасцов 388 ч., да татар и новокрепцов арзамасских помещиков 255 ч.». Конечно, среди этих людей были и «нетчики», у которых отбирались поместья за неявку на службу, но все же отряд служилых людей из Арзамаса (свыше 500 человек) в войске кн. Трубецкого был одним из самых многочисленных (Разрядная книга 1613–1614 гг. С. 260–263).

Известен список арзамасских нетчиков и беглецов со службы из-под Новгорода. Согласно Соборному приговору, если человек не явился на службу к князю Трубецкому, то у него отбирали половину поместий, а если был на службе, но потом сбежал, то у таких беглецов отбирали треть поместий, которые поступали в раздачу. Так, Федор Левашов вместе с Прокопием Вразским, Афанасием Хохловым и подьячим Григорием Ларионовым получил часть поместий нетчиков Михаила и Богдана Романовых, Остафия Оникеева и Федора Сухого (АПА. № 393. С. 517–519).

Трудно сказать, когда и при каких обстоятельствах Федор Левашов оказался в Рамышевском острожке под Старой Руссой весной 1614 г., сменив здесь прежнего московского воеводу Андрея Палицына, который ещё осенью 1613 г. укрепился в районе Старой Руссы. Известно, что получив от Палицына просьбу о помощи, боярин Трубецкой в январе 1614 г. направил к нему подкрепление под командованием Осипа Хлопова. Эти воеводы, Палицын и Хлопов участвовали в успешном отражении шведского штурма к Рамышевскому острогу в феврале 1614 г., в ходе которого шведы понесли большие потери, здесь был убит один из видных шведских командиров Нильс Банер (Рабинович Я. Н., 2013. С. 288–308).

Весной 1614 г. Палицын и Хлопов уже находились в Москве, получали награды за это Рамышевское сиденье. Именно в это время мы видим Федора Левашова главным воеводой в Рамышевском остроге. Впервые в документах Ф. В. Левашов упоминается воеводой Рамышевского острога в конце марта 1614 г., с ним вел переговоры об обмене пленными шведский военачальник в Старой Руссе ротмистр Лоренц Вагнер. Документы РГАДА, введенные в научный оборот А. А. Селиным, позволяют выяснить подробности этих переговоров (Селин А. А., 2008. С. 467).

Сначала Л. Вагнер вел переговоры с прежним воеводой А. Палицыным. Переговоры касались не только живых людей, но и передачи тел погибших шведских начальников. Палицын отправил эту просьбу по команде воеводе Трубецкому, а тот – в Москву. В Москве решили использовать данную ситуацию с выгодой для русской стороны, надеясь получить за тела мертвых шведов живых русских людей. В частности, за тело Н. Банера Андрей Палицын по указанию из Москвы требовал выдать ему одного из самых знатных заложников в Новгороде – малолетнего сына князя Петра Пронского, Михаила, а также детей Томилы Луговского, Ефима и Василия Телепневых. Шведы на это не пошли.

Обращаясь в письме к новому воеводе Рамышевского острога Ф. Левашову, Л. Вагнер вновь просит вернуть ему тело Банера и также – похоронить шведских солдат, прибавляя при этом, что шведы хоронят русских ратных людей. Как отмечает А. А. Селин, *«сам повод общения – обмен русских пленных на тело убитого шведского капитана Бакнера – был, так сказать, рыцарским»* (Селин А. А., 2008. С. 467, 587).

Одновременно к Ф. Левашову обратились его воины с просьбой обменять на тела шведов русских служилых людей, их товарищей, захваченных шведами в качестве языков («детей боярских да атаманов и казаков»). Защитников Рамышево больше интересовали их товарищи, простые казаки и мелкие помещики, чем дети знатных москвичей. Со своей стороны, Л. Вагнер, стремясь получить тела убитых шведов, хвалит Левашова за разум и воинскую доблесть, и одновременно ругает Палицына: *«И яз, узнав, что ты прямые р[атные] природы человек и*

ратное дело тебе заве... о ратных людях не замешкав, а не как глу[ный] Ондрей Палицын» (Селин А. А., 2008. С. 587).

В то время, когда Федор Левашов находился в Рамышевском остроге, основное войско боярина Трубецкого медленно продвигалось по Московской дороге в сторону Новгорода через Валдай, Яжелбицы, Крестцы, Рахино, Вины, Зайцево к Бронницам. Карамзинский хронограф подробно освещает каждый этап этого похода. Войско из Торжка двигалось к Новгороду весь Великий пост, «а шли немешкотно для того, что рать была большая, а дорога пустая и кормов конских, овса и сена не было, а по сторонам было пусто же, что многие от Немец и от Черкас и от воров казаков побиты и выграблены и села и деревни позжены». После того, как войско прибыло в Рахин острог, вперед были отправлены два передовых отряда под командованием Семена Волынского и Исака Погожева: «И боярин князь Дмитрий Тимофеевич с товарищи с рахина мосту послали перед собою Семена Меньшова сына Волынского да Исака Семенова сына Погожева. С Семеном десять голов с сотнями с городовыми, а велено Семену Волынскому с головами стать на Зайчикове и поставить для береженья от немецких людей острог, а Исаку велено быть в острошке на ве... (Вейне?), а с ним нижегородцы городом да казаки» (Попов А., 1869. С. 358). Рахин мост находится возле современных Крестцов, Зайчиково – это современное село Зайцево (по Новгородской дороге в 40 км от Крестцов в сторону Новгорода), а Вейны (Вины) расположены в 10 км восточнее Зайцево (между Зайцево и Рахиным).

Основное войско Трубецкого прибыло в острожек Семена Волынского в «Зайчиково» за две недели «до Велика дни», т. е. 10 апреля (известно, что Пасха в 1614 г. была 24 апреля), «и стали на Зайчикове, а Семена Волынского с теми ж людьми с Зайчикова послали наперед себя и велели идти на Бронницы за 20 верст от великаго Новагорода и на Бронницах поставить острог». Далее говорится, что Семен Волынский с ратными людьми на Бронницах острог поставил (по-видимому, это произошло в конце апреля). Попытки шведов разгромить передовой отряд Семена Волынского в Бронницах были безуспешны. С. Волынский сумел продержаться здесь до прибытия основного войска кн. Трубецкого. Дата прибытия Трубецкого «с товарищи со всеми ратными людьми» на Бронницы указана следующая – «после святых недели на 3-й неделе», т. е. около 10–15 мая. После этого шведы с их союзниками новгородцами («Немецкие люди воевода Ивергор с Немецкими и Рускими людьми») устроили свой острог «блиско Бронниц по Московской дороге за курганом, и под боярский острог Немецкие люди и конные и пешие приходили битися не во одну пору» (Попов А., 1869. С. 358).

Неизвестно, когда прекратил свое существование Рамышевский острог, когда Ф. Левашов со своими людьми присоединился к основному войску кн. Д. Т. Трубецкого, вышедшему в мае 1614 г. на ближние

подступы к Новгороду к Бронницам. В конце мая 1614 г. окрестности Старой Руссы были полностью разорены, продовольствие в Рамышево доставлять было трудно. В самой Старой Руссе, в которой ранее имелось несколько тысяч дворов и десятки соляных варниц, жизнь едва теплилась в небольшом шведском остроге в центре города. В этом остроге укрепился шведский отряд Лоренца Вагнера, которому помогал русский воевода кн. А. К. Шаховской. Возможно, что какие-то отряды сторонников Москвы продолжали находиться в окрестностях Старой Руссы, отступив оттуда уже после разгрома войска Трубецкого под Бронницами. По словам шведского королевского историографа Юхана Видекинда, *«когда русские в Старой Руссе узнали, что Бронницы пали, они тоже бросились бежать»* (Видекинд Ю., 2000. С. 321). Однако Ф. Левашова здесь под Старой Руссой уже не было. По указу боярина кн. Д. Т. Трубецкого защитники Рамышево во главе со своим воеводой, когда просохли дороги, сожгли свое укрепление и направились к Бронницам. Возможно, перед этим Ф. В. Левашев передал шведам тело Байдера без всякого обмена.

В конце мая – июне 1614 г. боярин Трубецкой из Бронниц послал *«за Мсту на Новгородскую сторону атаманов и казаков тысячу человек, и с ними воевод Федора Васильева сына Левашова, [д]а Угрима Поликарпова сына Лупандина, а велено острог поставить, чтоб того места не заняли Немецкие люди для утеснения боярскому острогу»* (Попов А., 1869. С. 358–359). Этот острог располагался в районе современного села Новоселицы, севернее Бронниц.

В течение мая – июня в районе Бронниц происходило немало боев с переменным успехом. Постепенно шведы сумели перехватить инициативу. Они подвезли тяжелую осадную артиллерию, которая стала обстреливать острог. Автор Карамзинского хронографа, по-видимому, участник этих событий, писал: *«А у немец поставлен был наряд, пушки и верховые пушки, и из пушек стреляли в острог, а из верховых пушек стреляли камением и ин пушек людей и лошадей во остроге побивали, и многую тесноту делали, а во острог проезду ниоткуда не было и запасы хлебные и соль и харч был дорог и взяти было негде, и привести неоткуда, от городов отдалело»*. В войске Трубецкого начался голод и болезни: *«Ратным людям нужна была болия и многие оцынжали»*.

Шведы начали готовиться к штурму острога, повели осадные работы по всем правилам военной науки, *«немцы пешие шанцами стали блиско острогу и под острог повели подкоп... И в боярском остроге ратным людям учало от народу быти большое утеснение, людей и лошадей побивают много и из острогу выезжать с лошадыми стало некуда, и со голоду лошади помирали, а запасов своих не стало ставать»* (Попов А., 1869. С. 359).

Воеводы устроили совещание с воинами (*«думав со всеми ратными людьми»*), что делать дальше: продолжать ли обороняться в этом остроге, при этом была опасность всем погибнуть от голода, или отступить

назад, к Торжку? Мнение было общее – уход из Бронницкого острога – это не сдача врагу какой-нибудь крепости, города, это не капитуляция, так что ничего зазорного в этом нет; кроме того, помощи из Москвы не предвидится, а наступать на Новгород через укрепленные шведские шанцы все равно не получится, поэтому было принято решение отступить к Торжку. В Карамзинском хронографе так описано это совещание Трубецкого, Бутурлина и Мезецкого: *«со всеми ратными людьми, как бы всех ратных людей во осаде с голоду не поморить, и сидеть во осаде не за что, не город и с Москвы помочи не чают, что удалили, и приговорили идти в отход в Торжок»* (Попов А., 1869. С. 359).

Ночью 14 июля войско двинулось на прорыв, конные и пешие, больного чашника В. И. Бутурлина несли на носилках, *«и на дороге его не стало»*. Некоторые исследователи ошибочно считали, что В. И. Бутурлин перешел на сторону шведов и в дальнейшем служил королю Густаву Адольфу. Действительно, один из весьма разветвленного рода Бутурлиных (полный тезка чашника В. И. Бутурлина) находился на шведской службе в завершающий период Смуты и после нее, но этот человек не имеет ничего общего с московским воеводой под Бронницами.

Можно установить, где располагался этот лагерь Трубецкого. На этом месте на горе находится церковь Введения во храм с пределом великомученицы Екатерины (XVII–XIX вв., арх. В. Стасов). Церковь в плачевном состоянии, хотя часть древних росписей на стенах сохранилась, соседствуют с надписями современных вандалов. У подножия горы – местное кладбище. Этот Бронницкий холм описывали многие путешественники, в частности Э. Пальмквист в 1674 г. Он писал, что рядом с Бронницами и селением Гривоколиным, где впадает в Мсту широкая речка Глушница, *«на крутом холме заметен старый окоп, у которого Деласарди разбил Трубецкого, занимавшего этот окоп. Положение укрепления прекрасно, так как оно господствует над всей равниной и низкой местностью вокруг; на холме имеется несколько ключей, источников, из которых один, как говорят был оставлен русскими, здесь же русскими сооружена на память часовня»* (Пальмквист Э., 2012. С. 29).

Что касается Федора Левашова, то он не участвовал в отходе войска кн. Д. Т. Трубецкого к Торжку, а вернулся в Москву лишь через год после этих событий. После разгрома войска кн. Д. Т. Трубецкого 14 июля 1614 г. под Бронницами второй острог за рекой Мстой, гарнизоном которого командовал Ф. Левашов, держался еще около недели. Отряд Ф. В. Левашова фактически спас войско Трубецкого от окончательного разгрома. Автор Карамзинского хронографа специально подчеркнул, что шведы не стали преследовать Трубецкого, а все силы сразу же направили против острога Федора Левашова: *«А немецкие люди за рускими людьми не ходили, а за рекою Мстою к острожку, где сидели Федор Левашов и Угрим Лупандин с казаками, Ивергор с немецкими людьми приступали приступами многие дни, из наряда из пушек стреля-*

ли, а немцы им говорили, чтоб они здалися» имь (Попов А., 1869. С. 359).

Окруженные со всех сторон превосходящими силами шведов, воины Федора Левашова вынуждены были капитулировать 20 июля («на Ильин день святого пророка»). «И воевод и казаков взяли в Новгород», – так завершает рассказ об этом осадном сидении автор хронографа. Точное место, где располагался острог Ф. В. Левашова, в Карамзинском хронографе не указано, название не дается, только приводится туманная фраза – «за Мстой рекой на Новгородской стороне». Однако из документальных источников можно выяснить, что этот острог находился в районе современного села Новоселицы, примерно в 8 км севернее Бронниц. В источниках часто упоминается эта фраза «Новоселицкое осадное сиденье», «Новоселицкий острог», «Новосельская служба».

6 сентября 1614 г. в Москву приехали новгородские выходцы разных станиц казаки, «которые взяты были в острожке за Мстою рекою с Федором Левашовым». Им дано в Москве государево жалование (перечисляются есаул Иван Офонасьев и 18 рядовых казаков) (Приходно-расходная книга... Стб. 295). Получается, что взятые в плен казаки были уже в августе 1614 г. отпущены шведами на свободу (как вариант – бежали из плена). По словам шведского королевского историографа Юхана Видекинда, Якоб Деллагарди приказал казнить пленных казаков, защитников Новоселицкого острожка: «Когда русские во втором укреплении на этой стороне реки услышали такое (разгром Трубецкого 14 июля под Бронницами. – Я. Р.), им пришлось сдаться нашим, а за то, что они держались там так упорно, господин Якоб приказал зарубить 400 простых солдат, а знатнейших из бояр взял в плен» (Видекинд Ю., 2000. С. 321). Возможно, что сведения о массовой казни пленных сторонников Москвы в Новоселицком острожке несколько преувеличены Видекиндром.

Вопрос о судьбе русских воинов, взятых в плен под Бронницами и Новоселицами, об их обмене, а также об обмене членов семей знатных новгородцев решался в мае 1615 г. на переговорах, которые вел московский представитель Семен Гаврилович Коробьин (Рабинович Я. Н., 2014. С. 34–36). Именно ему обязан Федор Левашов своим освобождением из шведского плена.

Весной 1615 г. недалеко от места будущих русско-шведских переговоров в Дедерино на реке Яуна (Явань), между Осташковом и Старой Руссой, происходили частные переговоры об обмене пленных. Н. Н. Бантыш-Каменский писал, что 30 апреля 1615 г. состоялся съезд на реке Яуне, «... съехали на половине дороги меж деревни Мошина и Песков для оной размены с российской стороны судьи Семен Коробьин, Петр Обернибесов и дьяк Иван Шевырев; с шведской же: капитан Семен Апельман, Иван Брякилев и Ганц Бракелев» Эти переговоры проходили с 4 по 22 мая, закончились обменом пленными, «и судьи разъехали». С русской стороны было выдано 46 пленных шведов, а шведская

сторона отдала 119 русских, мужчин и женщин (Бантыш-Каменский Н. Н., 1902. С. 147).

Шведский главнокомандующий в Новгороде Эверт Горн писал королю Густаву Адольфу, что он *«распорядился о размене пленных, который умышленно задерживается и затрудняется русскими»* (Сб. НОЛД. С. 60). Задержка была вызвана тем, что в наказе С. Г. Коробьину предписывалось совершать обмен *«всех на всех»*, а *«врознь полоняниками размениваться не велено»*. Шведы предлагали совершать обмен врознь, человека на человека или на двух, сначала «худыми» людьми, затем «добрыми», а «свалом» шведские уполномоченные не хотели меняться. В итоге все же был осуществлен обмен по шведскому сценарию (Селин А. А., 2008. С. 468).

Решение об отправке Семена Коробьина для размена пленными было принято в Москве 18 февраля 1615 г., а статейный список написан 23 марта того же года (Опись архива Посольского приказа. С. 299). В РГАДА сохранилось дело о посольстве С. Г. Коробьина (РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1615 г. Д. 3), документы из которого впервые использовал Г. А. Замятин в своей диссертации, защищенной в Воронеже в 1921 г. и опубликованной лишь в 2008 г. (Замятин Г. А., 2008а. С. 124). В этих документах часто можно встретить имя одного из самых знатных пленников – Федора Левашова. Он записан среди московских дворян третьим в списке после Дмитрия Плещеева и Микиты Пушкина. За ним указан дворянин Фока Дуров. Следовательно, в 1614 г. Федор Левашов уже был московским дворянином, а не арзамасским помещиком. Возможно, это повышение произошло летом 1613 г. вскоре после избрания Михаила Романова, во всяком случае – до похода на Новгород.

Современный исследователь А. А. Селин более подробно, чем Н. Н. Бантыш-Каменский и Г. А. Замятин, остановился на данном сюжете, связанном с обменом пленными в мае 1615 г. (Селин А. А., 2008). В результате этого обмена получили свободу родственники многих известных деятелей Смуты (Смирного Отрепьева, Полуекта Колычева, Игнатия Харламова, Андрея Трусова и др.). Также были освобождены воевода Новоселицкого острожка Федор Васильевич Левашов, казачьи есаулы Чегодай Степанов, Степан Беляев, Семен Балака, несколько новгородских помещиков и рядовых казаков.

О своем пребывании в шведском плену сам Ф. В. Левашов позже сообщал: *«Да он же де, Федор, был на нашей службе под Новымгородом год, и взяли де его в полон немецкие люди, и в полону у немецких людей был год же, а ис полону вышел ...лся на Москве»* (АПА. № 405. С. 570–571).

Однако некоторые из соратников Федора Левашова по Новоселицкому сиденью оставались летом 1615 г. в шведском плену. Среди таких «знатнейших бояр», по выражению Ю. Видекинда (фактически – дворян, жильцов, детей боярских, помещиков разных

уездов), взятых в плен шведами в Новоселицах, были помещики из Ржевы и Старицы. Их судьба в дальнейшем сложилась по-разному. Некоторых из них сумел выкупить в конце сентября 1615 г. английский посол Джон Меррик, другие смогли бежать из тюрьмы. Один из выкупленных пленников, сын боярский из Ржевы Иван Данилович Моклоков, после освобождения сообщал русским послам, что *«как взяли немецкие люди Новоселицкой острожек, его взяли с воеводою Федором Левашевым на Ильин день святого пророка. Сидел в тюрьме по ся места. И в 124 году сентября в 25 день на Сергеев день с утра выпечаловал деи его у них аглинского короля посол»* (РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 36–41; Лыжин Н. П., 1857. С. 231–236; Селин А. А., 2008. С. 470; Замятин Г. А., 2008б. С. 345).

Другой пленник, помещик из Старицы Макарий Бехтеев, также сообщал, что он *«взят де, государь, на Бронничех, в Новоселском острожке в Новгород и сидел в тюрьме, и выпросил его ис тюрьмы аглинской посол князь Иван Ульянов»* (РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 9. Л. 149).

Бежали из тюрьмы 25 сентября 1615 г. (*«Сергеева дни в ночи дверь розломали и с тюрьмы утекли»*) 4 помещика из Ржевы (Иван Семенов сын Пушкин, Василей Григорьев сын Кривской, Фрол Воинов сын Моклоков, Гаврило Федоров сын Дубенской) и 4 помещика из Старицы (Иван Ермолин сын Кознаков, Степан Иванов сын Измайлов, Григорей Иванов сын Бахтеев, Федор Иванов сын Братцов). Все они 7 октября 1615 г. благополучно добрались до стана русских послов в Осташкове. В это время в Новгороде и его окрестностях шведских войск почти не было, вся шведская армия во главе с королем Густавом Адольфом штурмовала Псков. Эти беглецы говорили послу кн. Д. И. Мезецкому: *«Взяли нас в полон с Федором Левашевым в Новоселицком острожке»* (РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 238–241). Через несколько дней 12 октября пришли из Великого Новагорода другие выходцы, среди которых был казак Ивашко Мосеев из станицы атамана Девятого Иванова. Князь Д. И. Мезецкий сообщал в Москву: *«А казак Ивашко Мосеев сказал: в прошлом де во 122-м году как немецкие люди взяли Новоселицкой острожек, и ево де в том острожке взяли в Великой Новгород в полон, и сидел де он в Новгороде в тюрьме 3 недели, а ис тюрьмы его вынял на поруку Богдан Шорин»* (РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 305–311).

Так что можно сказать, что в состав отряда Федора Левашова в Новоселицах входили казаки атамана Девятого Иванова, есаул Иван Офонасьев со своими людьми и служилые люди по отчеству из Ржева и Старицы. Многочисленные челобитные служилых людей (участников этих событий) с просьбами о пожаловании, а также кормленные и пригодно-расходные книги московских приказов позволяют определить имена многих других соратников Федора Левашова по Новоселицкому осадному сиденью.

Что касается помощника Федора Левашова по Новоселицкому осадному сиденью Угрима Лупандина, то он, попав в плен, снова стал

служить шведам, писал королю Густаву Адольфу челобитную о пожаловании, получил поместья, выполнял отдельные поручения шведов, и только во время переговоров в Дедерино снова бежал к московским послам. Конечно, при этом он всячески пытался себя оправдать, превознести свои заслуги и всячески очернить Федора Левашова, а тот, в свою очередь, после освобождения из плена прямо говорил о предательстве Угрима Лупандина (Селин А. А., 2009. С. 150–154).

Возможно, именно за Рамышевскую службу, Новоселицкое осадное сиденье и шведский плен Федор Левашов после возвращения в Москву в июне 1615 г. получил значительные придачи к поместному окладу. Если в 1611 г. поместный оклад Ф. В. Левашова составлял 700 чети, то в июне 1615 г. его поместный оклад был уже 1050 чети. За свои предыдущие службы он также получал придачи к поместному окладу. Однако реальных дач он имел к тому времени только 525 чети. Ф. В. Левашову пришлось попрощаться с полученными поместьями нетчиков и беглецов из Арзамаса, бежавших из войска Трубецкого. После того, как эти люди участвовали в походе боярина кн. Б. М. Лыкова зимой 1615 г. против воровских казаков, им вернули отнятые поместья (АПА. № 393. С. 517–519). Так что реальные дачи Ф. В. Левашова далеко не соответствовали его поместному окладу.

Первые земельные пожалования Федор Левашов получил уже в июне 1615 г., вскоре после освобождения из шведского плена. Наказ об отделе поместья был составлен 25 июня 1615 г. (АПА. № 394. С. 519–522). Правда, это поместье вскоре снова перешло к прежнему владельцу, и Федор Левашов его потерял, однако приобрел другие поместья (АПА. № 395. С. 520–523).

Последние известные сведения о размере земельных владений Ф. Левашова относятся к декабрю 1616 г. Из его челобитной, в которой он сообщал о своем пребывании в шведском плену, мы узнаем, что у него было земли 660 чети (при окладе 1050 чети), потом стало 741 чети. В конце грамоты об отделе поместья имеется следующая запись: *«Велено отделить прежнюю дачу, 75 четей, и 150 четей лишней земли к орземаскому ево поместью, к 700 к 40 к одной чети, в ево оклад, в 1000 в 50 чети»* (АПА. № 405. С. 570–571).

В боярской книге 1615/1616 г. Федор Левашов записан как дворянин московский, причем, прямо перед ним в списке московских дворян указаны Фока Дуров и Дмитрий Плещеев. Эти люди вместе с Ф. Левашовым были в шведском плену (АМГ. Т. 1, № 108. С. 144).

Осенью 1618 г. Ф. В. Левашов находился в Москве, он оборонял столицу от войск польского короля Сигизмунда и запорожских казаков гетмана Сагайдачного (СГГД. Ч. 3, № 40. С. 175; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 517, 574).

За это московское осадное сидение (1618 г.) ему пожаловано в вотчину поместье в Залесском стане Арзамасского уезда (позже часть этой вотчины перешла к его сыну Григорию). К тому времени у

Ф. Левашова была еще одна вотчина в Ичаловском стане Арзамасского уезда (Осадный список 1618 г. С. 41, 153, 287, 527).

В 1619–1621 гг. Ф. Левашов находился на воеводском посту в Царицыне (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 426; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 663, 720). После возвращения из Царицына Ф. В. Левашов, как дворянин московский изредко упоминается в Дворцовых разрядах и Записных книгах (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 688; Записные книги... С. 497). В 1628 г. Ф. В. Левашов был окладчиком в Старице дворян и детей боярских, верстал их на службу, назначал жалование (Румель В. В., Голубцов В. В., 1886. Т. 1. С. 523). В следующем 1629 г. мы видим его объезжим головой в Москве «для береженья от огня и от всякого воровства... От Неглимны по Покровскую улицу» (Книги разрядные. Т. 2. Стб. 209). Возможно, что в том же районе находился его двор в Москве.

Умер Ф. В. Левашов 2 февраля 1630 г. («Подлинный» боярский список 1629/1630 г. С. 368).

У него было четверо сыновей – Степан, Иван, Григорий и Никифор. Наибольшую известность получили потомки Григория Федоровича. Среди них – Василий Яковлевич, внук Григория Федоровича (1667–1751, генерал-аншеф, кавалер ордена Андрея Первозванного, правитель завоеванных персидских земель при Анне Иоанновне). Его внук Василий Иванович (1740–1804) был действительным тайным советником, обергермейстером при дворе Екатерины II и Павла I. Известен также тем, что не был женат, но имел много внебрачных детей, которых воспитывал сам. При Павле I его воспитанникам и воспитанницам именным указом Сенату от 5 августа 1798 г. было пожаловано дворянское достоинство и фамилия Левашовых. Один из них – Василий Васильевич Левашов, чей портрет можно увидеть в Новгородском музее.

Автор выражает благодарность А. А. Селину за предоставление копий документов РГАДА.

Литература и источники

Акты Московского государства, изданные Академией Наук / под ред. Н. А. Попова: в 3 т. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634). (далее – АМГ). № 108. С. 138–147 (Книга, а в ней писаны бояре, и окольные и думные люди с денежными оклады, а стольники, и стряпчие и дворяне московские, и дьяки, и жильцы из городов дворяне ... 124 году).

Арзамасские поместные акты (1578–1618) / собр. и ред. С. Б. Веселовский // ЧОИДР. 1916. Кн. 1 (256) (далее – АПА).

Грамота к воеводе и дьяку о возврате поместья Семену Родионову, которое было дано Федору Левашову и Григорию Мартемьянову. 1615, августа 7 // АПА. № 395. С. 520–523.

Грамота к воеводе и дьяку о возвращении некоторым арзамасцам поместий, отписанных у них за неты по Соборному приговору 122 года. 1615, июня 15 // АПА. № 393. С. 517–519.

Грамота к воеводе и дьяку об отделе поместий Федору Левашову и Григорию Мартемьянову. 1615, до 25 июня // АПА. № 394. С. 519–522.

Грамота к городовому приказчику об отделе поместья Федору Левашову. 1616, декабря 25 // АПА. № 405. С. 570–571.

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.): в 4 ч. Ч. 4 (Пруссия, Франция, Швеция) / изд. Комиссии печатания Государственных грамот и Договоров при Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1902. 464 с.

Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / пер. С. А. Аннинского, А. М. Александрова; под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 656 с.

Восстание Болотникова. Документы и материалы / сост. А. И. Копанев, А. Г. Маньков. М.: Изд-во соц.-экон. лит.-ры, 1959. 456 с.

Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 61–82.

Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии: в 4 т. СПб., 1850. Т. 1 (1612–1628). 1224 стб.+XII стб.

Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Г. М. Коваленко. СПб.: Европейский дом, 2008. 506 с.

Замятин Г. А. Из истории борьбы Швеции и Польши за Московский престол в начале XVII в.: Падение кандидатуры Карла Филиппа и воцарение Михаила Федоровича // Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Г. М. Коваленко. СПб.: Европейский дом, 2008. С. 31–242. [а]

Замятин Г. А. Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Г. М. Коваленко. СПб.: Европейский дом, 2008. С. 243–402. [б]

Записные книги Московского стола: Записная книга Московского стола. 1626, мая 5 – 1627, августа 31 // РИБ: в 39 т. СПб., 1884. Т. 9. С. 385–524.

Книга, а в ней писаны бояре, и окольные и думные люди с денежными оклады, а стольники, и стряпчие и дворяне московские, и дьяки, и жильцы из городов дворяне ...124 году // Акты Московского государства, изданные Академией Наук / под ред. Н. А. Попова: в 3 т. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634). (далее – АМГ). № 108. С. 144.

Книги разрядные по официальным оных спискам: в 2 т. СПб., 1853. Т. 1 (1614–1627). 1380 стб; СПб., 1855. Т. 2.

Лист Эверта Горна королю Густаву Адольфу. 26 мая 1615 г. // Сб. Новгородского общества любителей древности (далее – НОЛД). Новгород, 1911. Вып. 5. № 20. С. 60.

Льжин Н. П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествующие. СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1857. 242 с. Прилож. № 37. С. 231–236 (Письмо английского посла Мерика к русским уполномоченным при переговорах).

Любомиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения (1611–1613 гг.). М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. 342 с.

Опись архива Посольского приказа 1626 года / под ред. С. О. Шмидта: в 2 ч. М.: Гл. арх. упр. при СМ СССР; ЦГАДА; Археогр. ком. при Отделении истории АН СССР, 1977. Ч. 1. 416 с.

Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Т. VIII / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М.; Варшава: Древнехранилище, 2009. 688 с.

Пальмквист Э. Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году / пер. со швед. Г. М. Коваленко. М.: Изд-во «Ломоносовъ», 2012. 344 с.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб.: изд. Я. Башмакова, 1910. 624 с.

«Подлинный» боярский список 1629/1630 г. // «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов. Сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов. М.: Древнехранилище, 2015. С. 327–400.

Попов А. Из Хронографа, принадлежащего историографу Карамзину (Столяровский список) // Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / собрал и издал Андрей Попов (приложение к Обзору Хронографов русской редакции). М.: Типография А. И. Мамонтова и К. Большая Дмитровка, д. № 7, 1869 (далее – Карамзинский хронограф). С. 321–379.

Приходно-расходная книга Разряда 123 г.: Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ: в 39 т. М., 1912. Т. 28. Стб. 275–508.

Пудалов Б. М. К событиям в Нижнем Поволжье в 1608–1609 гг. (малоизвестный источник) // Мининские чтения: сб. науч. тр. по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. / науч. ред. А. А. Кузнецов. Н. Новгород: Кварц, 2011. С. 64–73.

Пчелов Е. В. Левашовы // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия: в 3 т. Т. 3: К–М / редкол.: В. Л. Янин (гл. ред.) и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 296–297.

Рабинович Я. Н. Малые города Новгородской земли в Смутное время / под ред. Г. М. Коваленко; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2013. 433 с.

Рабинович Я. Н. Братья Коробьины на службе России (1603–1639) / под ред. С. А. Мезина. Саратов: ИЦ «Наука», 2014. 108 с.

Разрядная книга 1613–1614 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. / сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина; отв. ред. В. И. Буганов. М.: Институт истории АН СССР, 1974. С. 180–313.

РГАДА. Ф. 96. Сношения со Швецией. Оп. 1. 1615. Д. 9. Л. 149 (Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами о выезде к ним полоняника Новоселицкого острожка Макария Иванова Бахтеева. 1615, сентября после 15).

РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1615. Д. 10. Л. 238–241 (Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами, что к ним вышли из Новгорода пленные дворяне, и распросные речи пленных ржевичей и старичан в Осташкове. 1615, октября после 7).

РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1615 г. Д. 3 (Дело об отправлении на съезд для размена пленных Семена Гавриловича Коробьины, Петра Агеевича Обернибесова, Ивана Афанасьевича Шевырева. 1615, апрель–май).

РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1615. Д. 10. Л. 305–311 (Распросные речи вышедших из Новгорода Юрия Третьякова Копнина с человеком и зубчанина Алексея Брянцева. 1615, октября 12).

РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 36–41 (Распросные речи Ивана Софонова и Ивана Моклокова в Осташкове. 1615, сентября 30).

Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий: в 2 т. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1886. Т. 1 (А–Л). 621 с.

Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2008. 752 с.

Селин А. А. Новгородские судьбы Смутного времени / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009. 192 с.

Собор, держанный в присутствии Государя Царя Михаила Федоровича духовными и светскими чинами: каким образом противустать Королевичу Владиславу. 1618, сентября 9 // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел. (СГГД): в 4 ч. М., 1822. Ч. 3, № 40. С. 175.